

ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА

КАРУСЕЛЬ

ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

Наедине со всеми

НАМ НЕ ЖИТЬ
ДРУГ БЕЗ ДРУГАВ гостях у «Карусели» —
актриса театра «Современник»,
народная артистка РСФСР
Нина ДОРОШИНА.

который сама себе и организовала. Надоело играть одно и то же — подружку-простушку при героине. А ничего другого мне не предлагали. И тогда я демонстративно ушла из кино, категорически отказывалась сниматься. Но тут, как говорится, не хочешь — не надо. Предложения кончились, наступила пауза в двенадцать лет. Но мне хватало театра, там меня подружками-простушками не угощали.

«Любовь и голуби» — это сначала у нас в «Современнике» такой спектакль появился. Наш завлит Галя Добролюбова где-то в Омске нашла пьесу молодого драматурга из актеров В. Гуркина. Привезла в театр. На труппе пьесу очень смешно прочитал Валя Гафт. У нас всегда так — новую пьесу читает кто-то из артистов, у кого силы есть. Пьеса всем очень понравилась, решили брать. И тут я очень расстроилась. Оказалось,

— В этой картине я снималась после долгого перерыва,

все-таки утвердил. Съемки шли непросто. Меньшов хотел снимать две серии, но когда основной материал был уже готов, вышел указ о борьбе с пьянством. Спиртное, надо — не надо, начали с экрана убирать в пожарном порядке. Из двух наших серий осталась одна, концы с концами не сходятся, все нервничают. И все-таки судьба у картины оказалась счастливой, зрители ее заметили, я до сих пор письма получаю. Фильм уже дважды показали по Центральному телевидению, а зрители просят — покажите еще. Картину купили многие страны. Она «на ура» прошла в Испании, Аргентине, во Франции. Мне было приятно, что по итогам опроса журнала «Советский экран» меня назвали в 1985 году лучшей актрисой года за эту роль.

— А успех фильма не сказался на посещаемости спектакля в «Современнике», она не уменьшилась!

— Ну что вы, даже наоборот. У спектакля словно второе дыхание открылось. Все-таки в пьесе есть какая-то доброта и незатейливость, люди открыты, искренни, неистово любят и ревнуют неистово. В общем, страсти какие-то первородные, без сегодняшних комплексов.

— Нина Михайловна, сейчас немало говорят о том, что мы разучились понимать друг друга, слушать друг друга. Этот мотив очень сильно прозвучал и в спектакле «Мне хотя бы черного щенка мужского рода», который «Современник» показывал в Таллине. Что значит, по-вашему, уметь понимать, уметь слушать.

— По-моему, это талант, природный дар. Всегда были те, кто умел слушать и кто не умел. Я думаю, что неумение слушать начинается с замкнутости на себе, своих интересах, притязаниях, с равнодушием к чужой боли. Принести себя в жертву, поступаться чем-то ради другого — это так трудно. А эгоистом, думающим о себе, быть так легко... Где-то, наверное, с этим можно хоть как-то смириться. Но театр неумение и нежелание понимать и слушать другого просто убивает. Вот у меня душа разрывается, глядя, как мы собственными руками, собственной разобщенностью рушим то, что создавалось десятилетиями, что воспитало нас и называлось «Современником». Вроде все осталось по-прежнему, но раньше он был нашей жизнью, а теперь мы встречаемся, чтобы вместе сыграть спектакль и тут же разо-

тись. Наверное, это неизбежно — есть молодость, есть зрелость, есть угасание — но все равно больно.

— За годы работы на сцене вы рассказали о судьбах многих женщин. Каких было больше счастливых или несчастливых?

— Помню, после премьеры «Валентина и Валентин» собрались мы вместе. Юра Богатырев, он еще тогда работал у нас, подарил каждому участнику спектакля свой рисунок с дружеским шаржем на сыгранного персонажа. А под рисунком — стихотворное посвящение Валентина Гафта. Вы знаете — он это хорошо умеет. На моем рисунке было написано:

О том, что
позабыто-позаброшено,
В который раз
сыграла нам Дорошина.

Дело не в том, счастлива ли женщина, а в том, чтобы она имела возможность сделать счастливым кого-то. В этом ее предназначение, отсюда и считать надо. И потом счастье каждый понимает по-своему. Для меня оно в работе, в том, чем я занимаюсь уже много лет. Таковой меня, мой характер, мое счастье сделала жизнь. Я работаю с 18 лет, со своего первого фильма, живу работой, не мыслю себя без нее и свое счастье понимаю таким образом.

— Скажу честно, именно о женском счастье у меня всегда было немного иное представление.

— Дом, вязание, тихие уютные вечера — вот вы о чем... Но в жизни всякое бывает. Понимаете, мужа — уведут, любовника — уведут, уходят родные — и с этим ничего не поделаешь. Все у меня можно забрать, всего лишить. А вот работы, моего дела, того, чем живу, никто у меня не заберет. Это мое. Как хочется, чтоб это продолжалось подольше. Вот ты приходишь на Чистые Пруды в свой театр, что-то там уже изменилось, что-то уже не так, но это твой театр, твой дом. До спектакля еще полтора часа. Ты не торопиться, не спешить зажечь лампочки над гримировальным столиком. Сидишь в тишине, и все необязательное, горькое, все отходит куда-то на задний план. Ничего тебе сейчас не страшно. Впереди — твой вечер, твое счастье.

Вел беседу
Виталий АНДРЕЕВ.

На снимке:
Нина Дорошина (справа) в
фильме «Любовь и голуби».

— Вспоминаю свою первую встречу с «Современником». Воскресенье. Августовское раннее утро. Поезд только что пришел на Курский вокзал. Непривычно безлюдное метро, и на одной из его станций прикрепленный к стеклу театральной кассы одинокий билет за 60 копеек на утренник в «Современник». Спектакль начинался через полтора часа, в 11.00. Давали «Вечно живые» Розова. Играли Щербakov, Толмачева, Козков, Волчек с незабываемой чернобуркой на плечах, Гурченко в совсем крохотной роли...

— Это какой был год?

— 1961—1962-й...

— А в 1960-м мы с театром впервые выехали на большие гастроли. Это был Таллин, здесь состоялась премьера «Голого короля». Сколько было аплодисментов, цветов, счастья! Это было вообще очень счастливое время, ничем не отягощенная молодость, все на равных, все друг друга любят, зарплата одинаковая, у меня одно положение, у тебя другое — такое никому в голову не приходило.

— А какою вы, Нина Михайловна, сами были в то время!

— Молодую была... С длинными толстыми косами. Я училась в Вахтанговском училище, и уже студенткой принимала участие во всех делах «Современника», который затеял Олег Ефремов. Мы с ним встретились на съемках фильма «Первый эшелон». Это была его первая роль в кино и моя первая роль в кино. Снимал фильм знаменитый режиссер Колотозов, в экспедицию группа выезжала на целину, в картине играло много знаменитостей того времени. Ефремов работал тогда артистом в Центральном детском театре, и создание своего «дела» было для него всем на свете. Этим он буквально заражал окружающих, и, когда позвал в сообщники, — другой радости невозможно было себе представить.

— Значит, для вас все было ясно с самого начала!

— Совсем нет. Училище я окончила как актриса кино. После «Первого эшелона» продолжала много сниматься, получала бешеную по тем временам зарплату — две тысячи пятисот в месяц на те старые еще деньги. И это в двадцать с малым лет. А в «Современник» пришла на 750, на 75 рублей по нынешнему. И не я одна — все так приходило. Приходили из солидных театров, оставляя там приличные зарплаты, покой, приходили в неизвестность, не зная, чем все предприятие — создание

«Современника» — может окончиться. И никто не пожалел, хотя, естественно, были подвемы и спады, были разрывки и примирения, как это всегда бывает в большой семье. А «Современник» до определенного момента семьей и был.

— Вы ведь ушли с Ефремовым во МХАТ, когда его туда пригласили!

— Не ушла, хотя он звал меня и тогда, в 1971 году, и позже звал, и совсем недавно возвращался к этому разговору. Не ушла, хотя лучших партнеров, чем Ефремов и Табаков, у меня никогда не было и уже, наверное, не будет. Ефремов сделал меня актрисой, ему я обязана многим из того, что умею, но из «Современника» не ушла. Я всегда знала и знаю — нельзя покидать родной дом, в другом лучше не будет никогда. Тем более, нельзя уходить, когда твоему дому нелегко приходится. И потом — одно дело было расстаться с Ефремовым, и со-